

О бытии и явлении: социальное воспроизводство и семейная форма

Татьяна Лягуно *

Аннотация

В своей лекции 1987 года «Есть ли у Маркса метод?» философ Джиллиан Роуз погружается в вопрос о том, какой методологической процедуре можно приписать Марксу: каково его конкретное предложение, когда речь идёт о предоставлении «логики социального», «социо-логоса». В анализе Роуз выделяются два важных вопроса, которые я возьму в качестве отправной точки для моего предложения гегельянско-марксистского феминистского философского метода.

«[Это] всё ещё, не будучи никакой тайной, скрыто»

Гегель, Лекции по истории философии

«Дети всегда наши»
Джеймс Болдуин

Введение: Методологический вопрос

Во-первых, Роуз утверждает, что абстрактный и иллюзорный аспект нашего непосредственного опыта капиталистического общества проистекает из нашей неспособности схватить и постичь социальную тотальность. Марксистские феминистки особенно озабочены одним из фундаментальных внутренних разделений внутри этой тотальности — измерением, иногда заслоняемым близорукими анализами отношений обмена и товарной формы. Полностью осознавая, что всякий раз, когда доминирует, капиталистический способ производства очерчивает контуры социального воспроизводства, они справедливо отмечают, что сохраняется удвоение между оплачиваемой производительной деятельностью и неоплачиваемой репродуктивной деятельностью. Марксистский феминизм — это наша коллективная попытка осмысления этого разделения.

Феминистские мыслители давно теоретизировали природу и статус репродуктивной сферы — все те виды деятельности (забота, готовка, уборка и т.д.), в которые мы вовлекаемся для поддержания жизни и воспроизводства рабочей силы, как ежедневно, так и через поколения. Это включает, конечно, воспроизводство структур неравенства, встроенных в капиталистический социальный порядок. От жарких дебатов в 1970-х о том, производят ли репродуктивные виды деятельности стоимость, до современных попыток теоретизировать их как нечто одновременно существующее для капитала и всё же отличное от него, марксистские феминистки стремились развить форму критики, которая стремится к тотальности и сопротивляется воспроизводству разделения социального, осуществляемого капиталом.

Во-вторых, как справедливо подчёркивает Роуз, метод Маркса — не просто материалистическое отрицание идеализма. Подход Маркса следует идиосинкразически современному способу мышления о социальной реальности — методологической процедуре, иницииро-

во-вторых, как справедливо подчёркивает Роуз, метод Маркса — не просто материалистическое отрицание идеализма. Подход Маркса следует идиосинкразически современному способу мышления о социальной реальности — методологической процедуре, иницииро-

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА

ванной Гегелем, в которой сущность и явление больше не понимаются как противоположности, а вместо этого рассматриваются как существующие в диалектическом отношении друг к другу. Следуя этому пути, Маркс утверждает, что современные общества, и в частности, его объект изучения, капиталистические, характеризуются набором «необходимых явлений». Эти явления не просто ложны; скорее, эти иллюзии систематичны, неизбежны — они сохраняются, даже если мы осознаём их. Однако, чтобы решить эту загадку, Маркс не побуждает нас искать содержание за формой, материю за идеей. Конечно, одна из целей Маркса — раскрыть «товарную форму», показав, как за тем, что кажется естественным свойством вещи — её обмениваемостью — мы находим конкретные социальные отношения. Но заключить из этого, что Маркс — просто искатель содержания, было бы ошибкой.

«Как марксистские феминистки, мы вынуждены спросить: Какую форму принимает неоплачиваемый репродуктивный труд и, следовательно, каков объект нашей критики?»

Такой подход свел бы марксизм к своего рода позитивизму, которым он решительно не является. У Маркса, по его собственным словам, было «очень плохое мнение» о «контизме» — эпистемологическое и политическое дистанцирование, в значительной степени продолженное традицией Франкфуртской школы. Критическое знание общества, для Маркса, не может быть сведено к заботе о том, что измеримо и эмпирически наблюдаемо. В «Возвышенном объекте идеологии» Славой Жижек утверждает, что интерпретативные процедуры Мар-

кса и Фрейда совпадают в одном фундаментальном отношении: оба умудряются «избежать собственно фетишистского очарования «содержания», якобы скрытого за формой». Вместо этого, в их анализах товарной формы и формы снов, секрет, который нужно раскрыть, — не «скрытое ядро», а скорее ответ на вопрос, почему латентные мысли-сны приняли такие формы и «почему труд принял форму стоимости товара, почему он может утверждать свой социальный характер только в товарной форме своего продукта». Понимать это — значит, среди прочего, вернуть Маркса как философа.

Но если это правда, то как марксистские феминистки мы вынуждены спросить: Какую форму принимает неоплачиваемый репродуктивный труд и, следовательно, каков объект нашей критики? И как мы должны отреагировать на задачу, поставленную перед нами, то есть задачу практического и теоретического участия в деформации социальной тотальности? Если, как говорит Беверли Бест, «социальные формы капитала служат перцептивному разъединению производства прибавочной стоимости от её источника в кооперативном труде людей», то какова форма, которая делает возможным это «перцептивное разъединение» в случае неоплачиваемой репродуктивной деятельности? В дальнейшем я выдвигаю аргумент, предварительно предложенный — но философски недоразвитый — в феминистской теории: что семья составляет социальную форму явления неоплачиваемого репродуктивного труда. Философский метод Маркса, критика необходимых форм явления капитала, — это также наш метод — следовательно, наш марксизм. Наш объект изучения — ре-

продуктивный труд, особенно та часть, которая осталась другой по отношению к товарной форме или вне её и не мистифицирована заработной платой — следовательно, наш феминизм.

Форма явления репродуктивного труда

Чтобы проработать это, я хотела бы предложить — хотя и в очень сжатой форме — следующее: во-первых, вдохновлённая утверждением итальянской феминистки Леопольдины Фортунати, я буду защищать необходимость для марксистского феминизма интегрировать философскую дискуссию о сущности и явлении. Как я надеюсь показать, этот язык — центральный в гегельянской марксистской традиции — позволяет специфический тип социального анализа, который может принести пользу текущим дебатам о репродуктивном труде и формах мистификации, от которых он зависит. Как предполагали феминистки, ориентированные на теорию стоимости, метод изложения Маркса — в частности его забота о феноменальных проявлениях капитала — должен оставаться центральным для феминистского анализа. Во-вторых, я буду утверждать, что продуктивным местом для размещения этой критики социальной формы, для феминистских целей, является критическое взаимодействие Маркса с «Философией права» Гегеля. Несмотря на то, что это текст, который привлёк относительно мало внимания марксистских феминисток, я утверждаю, что он содержит, в отвергнутом виде, ключевые прозрения о центральности семейной формы в современных обществах. Делая это, я стремлюсь объединить феминистские интервенции, ориентирован-

ные на теорию стоимости, с современными политическими призывами к упразднению семьи. Возможно, тот факт, что оба недавно получили такую большую популярность, говорит о скрытой взаимосвязи.

Семья как социальная форма

В «Тайне воспроизводства: Домашняя работа, проституция, труд и капитал» Леопольдина Фортунати заявляет, что реальное различие между производством и воспроизводством заключается в том, что «в то время как производство и есть, и появляется как создание стоимости, воспроизводство есть создание стоимости, но появляется иначе». Как мы должны понять это загадочное утверждение? Что значит для воспроизводства появляться иначе? И не была бы нашей задачей, как критических теоретиков, идентифицировать эту форму, выявить её противоречия и предвосхитить альтернативы, не исключённые её логикой? Вместо того чтобы просто раскрывать содержание за формой — ход, который сохранил бы недиалектический подход к такому дуализму — феминистская теория должна быть способна распутать форму явления репродуктивного труда. Как мы знаем, большая его часть не соответствует характеристикам оплачиваемого труда — определяющей формы капиталистических обществ. Неоплачиваемый репродуктивный труд опосредован рынком косвенно и в конечном счёте подчинён капиталистической социальной тотальности; тем не менее, он не появляется в мистифицированной форме заработной платы (ключом к этой мистификации является его появление как плата за труд, а не за рабочую силу).

Хотя неоплачиваемый репродуктивный труд не подпадает под форму заработной платы — для такой деятельности нет трудового договора или зарплаты — важно видеть, что остаётся форма мистификации, от которой он зависит, форма, которую необходимо распаковать. Как и рынок, семья одновременно приватизирует и социализирует труд. Это социальное ограждение, которое формально санкционирует приватизацию и извлечение репродуктивного труда, обеспечивая минимальную кооперативную структуру, в рамках которой может происходить воспроизводство. При капиталистических отношениях труд не является непосредственно социальным: независимые индивиды занимаются частными актами производства, чья социальность только ретроспективно подтверждается через рынок. Например, сапожник делает обувь, не зная заранее, купит ли её кто-нибудь; только когда обувь фактически продаётся на рынке, труд сапожника подтверждается как социально полезный.

«Подобно товарному обмену и деньгам, которые реализуют социальную связь отчуждённым образом, семья реализует межличностные отношения в границах капиталистической жизни»

Конечно, когда речь идёт о неоплачиваемых репродуктивных видах деятельности, понятие Маркса о «товарном фетишизме» не совсем применимо. Тем не менее, и фетишизм, и мистификация — как, соответственно, овеществление социального отношения как свойства вещи и необходимое представление реальности в инвертированной форме — всё ещё могут быть прослежены. Подобно гендеру, который приобретает фетиши-

стский характер постольку, поскольку он делается вещью-в-себе; семья представляет фетишистское проявление неоплачиваемого репродуктивного труда. Заставляя такой труд казаться естественным, присущим этой социальной форме, она заслоняет конкретные социальные отношения, лежащие в его основе. Мистификация кажется более сложной. Но не может ли этот инвертированный аспект быть именно тем, на что указывают марксистские феминистки, когда заявляют: «Они говорят, что это любовь. Мы говорим, что это неоплачиваемая работа»? Проблема с семейной формой, утверждали бы авторы вроде Сильвии Федеричи, заключается в том, что она, буквально, «мошенничество»: хотя она «проходит под именем любви и брака», она в конечном счёте препятствует свободному установлению подлинных любящих и заботливых отношений.

«Семейные отношения — это капиталистические отношения и только кажутся межличностными отношениями», — говорит Фортунати. Эта кажущаяся природа не отрицает возможности того, что наши существующие семейные узы могут иметь глубокий смысл для многих из нас. Это также не подразумевает, что такие отношения ложны. На самом деле, эти отношения часто составляют некоторые из самых основополагающих межличностных опытов, доступных современным субъектам. Семья, в этом смысле, — необходимое явление капиталистической формы: подобно товарному обмену и деньгам, которые реализуют социальную связь отчуждённым образом, семья реализует межличностные отношения в границах капиталистической жизни. Как и рынок, она делает это на основе несвободной формы тру-

да. При капитализме, как говорится, часто лучше быть эксплуатируемым, чем быть полностью исключённым из эксплуатации. Точно так же, большую часть времени, лучше иметь семью, чем не иметь её. Но ничто из этого не делает капиталистическую эксплуатацию или буржуазную семью эмансипаторными социальными формами. Мы должны, хочется надеяться, сделать лучше.

Историческая необходимость семейной формы

Возможно, именно сама запутанность этой инверсии объясняет, почему, вопреки всему, семейная форма сохраняется. Её устойчивость следует понимать как лежащую в логико-историческом принуждении капитала к её поддержке: семья объективно необходима как форма явления неоплачиваемого репродуктивного труда. Это, как уже утверждали многие феминистские мыслители, имеет далеко идущие последствия для гендерных отношений и сексуальности — даже если, что интересно, семейная форма продолжает поддерживаться, даже когда в этих сферах возникает определённая эластичность. Говорить о логико-историческом принуждении капитала к семье — значит заниматься усилиями по распутыванию социальной тотальности таким образом, который остаётся исторически индексированным; это значит называть не так легко отбрасываемую социополитическую тенденцию. Ибо, несмотря на растущее включение женщин в оплачиваемый труд вне дома, семья, как гендерный механизм для приватизации работы по уходу, циклически, но устойчиво, вновь утверждает себя. Говорить всё это — не значит отрицать, что семья иногда служит убе-

жищем от насилия, совершаемого рынком (хотя она тоже наносит своё собственное насилие), и не значит предполагать, что значимые межличностные отношения не могут или не процветают за её пределами. Это просто значит, что капиталистические общества привилегируют семью как первичное место, где ожидается, что такие отношения укоренятся и воспроизведут себя, потому что она функционирует как форма, через которую неоплачиваемый репродуктивный труд экспроприруется и заслоняется.

Гегелевская триада и марксистская критика

Теперь, размышляя о логико-исторической природе семьи, на ум приходит одна конкретная философская работа, которая искусно сплетает логику и историю: «Философия права» Гегеля. Там Гегель предлагает триадическое видение современного общества, в котором *Sittlichkeit* (Нравственная жизнь) развёртывается в трёх моментах: семья, гражданское общество и государство. Хотя я не могу полностью развить это здесь, одно из моих основных утверждений заключается в том, что каждый из этих моментов следует понимать как необходимое явление современной капиталистической формы жизни. Предоставляет ли Гегель концептуальные ресурсы для выхода за пределы этих форм, конечно, открытый вопрос (я, например, склонна сказать да, хотя для целей этого аргумента не обязательно разделять эту точку зрения). Что здесь важно, так это то, что сам Маркс воспринял схему Гегеля вполне серьёзно и посвятил значительные усилия — с характерным сарказмом и неумолимым тоном — выявлению противоречий

внутри неё. Хотя критика Маркса в основном сосредоточена на государстве, я хочу предположить, что его прозрения остаются поучительными для феминистских проблем.

Давайте кратко резюмируем, что разворачивается в критике Марксом Гегеля. В своём обсуждении бюрократии Маркс намерен показать, как последняя препятствует возможности органического единства между государством и обществом. Для Маркса государство Гегеля возникает как сущность, остающаяся внешней по отношению к обществу: государство отключено от реальных социальных сил, которые его порождают, тем самым принимая абстрактную универсальную форму, оторванную от своих конкретных оснований. Государство отрезано от своего эффективного предположения, оторвано от социальных условий, которые его порождают. И хотя Гегель достаточно проницателен, чтобы воспринять современное противоречие в сердце этого разделения, продолжает Маркс, он не может его разрешить. Мы должны продвинуть критику дальше. Маркс объясняет само разделение, раскрывая государство как политическое и юридическое ратифицирование атомизации гражданского общества. Буржуазные политические права становятся, как становится ещё яснее в «К еврейскому вопросу», юридическим признанием дилеммы современного человека — его раскола от самого себя и от социального целого.

«Ни более демократические корпорации, ни более демократические семьи не сделают работу эмансипации»

Теперь, почему это обсуждение должно иметь значение для феминистской

теории? Моя гипотеза следующая: если понятие общества у Маркса, как экономико-политической реальности, возникает отчасти через его критическое взаимодействие с Гегелем (с которым он не согласен, но которого всё же признаёт за то, что назвал проблему), то стоит вспомнить, что в системе Гегеля не только гражданское общество, но и гражданское общество, и семья действуют как социальное предположение государства. Если, как утверждают Пульгар Мойя и Клоше, у Маркса «понятие общества возникает как общая категория и последний конкретный момент критического изложения экономики», то то, что попадает в эту категорию, имеет критическое значение. В современных капиталистических обществах семья и рынок образуют двойные столпы социального — они составляют ткань, через которую социальное материализуется, становится понятным и воспроизводимым. Однако, и несмотря на утверждения Гегеля, подобно гражданскому обществу — парадигматическому безнравственному моменту в его этической тотальности — семья тоже остаётся безнравственным институтом. Для Гегеля гражданское общество — безнравственный момент из-за своего атомизма; в нём индивиды не преследуют единство как свою цель. Гражданское общество социализирует, разделяя. Но это тоже делает буржуазная семья: это, я считаю, как мы должны интерпретировать описание Баррет и Макинтош современной буржуазной семьи как «антисоциальной семьи» — главным источником этой антисоциальной силы является приватизация репродуктивного труда.

Семья как источник иллюзии свободы

Стоит отметить, что у современных мыслителей, таких как Гегель, семья, несмотря на свой патриархальный характер, тем не менее задумывается как свободное социальное учреждение: брак может иметь место только между двумя независимыми и самоопределяющимися волями. Подобно обмену, современная семья постулирует и порождает равенство и свободу. И подобно обмену, именно через это постулирование она санкционирует отношения господства. Подобно тому, как отношение заработной платы является источником видимости равенства и свободы в оплачиваемом производительном труде, так и современный брак, который поддерживает семью, является источником видимости равенства и свободы в неоплачиваемом репродуктивном труде. Для феминистских теоретиков, таких как Кристин Дельфи, важно понимать, что женщины не вступают в брачный контракт из предсуществующей позиции подчинения; скорее, именно институт брака сам производит и поддерживает неравенство между мужчинами и женщинами. Его политическое равенство санкционирует его социальное неравенство.

Конечно, и рыночные отношения, и семейные отношения претерпели исторически значительные преобразования. Некоторые из первоначальных неравенств, вписанных в них — по линиям гендера, расы и сексуальности — были, частично и в разной степени, обойдены. Как бы ценны и необходимы ни были эти преобразования, их недостаточность остаётся ясной: до тех пор, пока не будет упразднена приватизированная форма

труда, которую воплощает семья — до тех пор, пока весь необходимый труд не будет полностью социализирован — отношения господства будут сохраняться. Со своей буржуазной точки зрения Гегель упускает фундаментальный характер семьи как института для организации труда. Маркс, напротив — хотя он оставил этот вопрос в значительной степени недоразвитым — схватил, что на кону что-то существенное. Для Маркса и Энгельса «то, что преодоление индивидуального хозяйства неотделимо от преодоления семьи, самоочевидно».

Политические последствия и альтернативы

Поднимая вопрос о семье, моя цель — не отменить десятилетия критики относительно ограничений таких категорий, как домашнее хозяйство или домохозяйка. В конце концов, разве семья не является последним убежищем для многих, брошенных рынком и государством? Разве узы любви, составляющие семью, часто не являются последним бастионом, нетронутым неумолимой логикой коммодификации? Как такие мыслители, как Анджела Дэвис, мощно напомнили нам, домашнее хозяйство, особенно в жизни поработанных женщин, иногда было единственным пространством «вдали от глаз и кнута надсмотрщика». Оно служило, и продолжает служить, убежищем от пограничных режимов, от государственного и полицейского насилия, от геноцида. В этом свете этически правильный импульс — действительно, защищать его. Но именно как единица приватизированной заботы, встроенная в воспроизводство капиталистических отношений и незаменимая для него, она должна быть радикально исследована и

в конечном счёте отвергнута. Это не простая политическая задача. Семьи выражают свой антисоциальный характер глубоко противоречивыми способами — они являются местами как разрывающего пренебрежения, так и столь необходимой привязанности. Нам нужно, тогда, серьёзно и тщательно подумать о том, что может прийти после, о том, как их дисфункциональное функционирование может быть заменено. Скорбеть об этой потере будет нелегко. Наша привязанность к семейной форме понятно сильна, логики, пронизывающие её, глубоко, психически, вписаны в нас. Но эта трудность не должна нас ослеплять. Словами Ребекки Комай, «чрезмерная, жуткая жизненность нежизни» не должна быть позволена сдерживать нас.

«Чтобы любовь и забота были реализованы для всех, современная семья должна быть преодолена, трансцендирована, и её рациональное ядро перенесено в более свободный мир»

Философское исследование социальных форм — в данном случае, семейной формы — это первый шаг, который несёт весомые политические последствия. Подобно тому, как мы, марксисты, не ожидаем, что отдельные капиталисты будут вести себя более морально или гуманно, мы, феминистки, не можем удовлетвориться надеждой, что индивиды научатся и выберут перераспределять репродуктивный труд более справедливо в рамках частного дома. Субъективные и установочные изменения желательны и необходимы. Но они недостаточны. Только социализация репродуктивного труда может осмысленно противостоять структурной проблеме,

поставленной семьёй как социальной формой. Социализация представлялась различными способами, но она обычно включает инициативы, такие как коммунальные кухни, центральные прачечные, общие обязанности по уборке, а также коллективные ясли и школы. Это политический проект, выходящий за пределы демократизации существующей семьи. Ни более демократические корпорации, ни более демократические семьи не сделают работу эмансипации.

Заключение: К новой социальной форме

В сумме, моё предложение заключается в том, что философски обоснованный гегельянско-марксистский феминизм уникально оснащён для выполнения критической задачи прослеживания глубоких взаимосвязей, связывающих вместе сферы человеческой жизни, которые часто кажутся отдельными или несвязанными. Центральный вопрос в выполнении этой задачи: При каких условиях неоплачиваемый репродуктивный труд принимает форму семьи? Помещая проблему мистификации в центр, моё утверждение заключается в том, что семья должна быть понята как капиталистическая форма явления неоплачиваемого репродуктивного труда — форма, необходимая именно для того, чтобы заслонять такой труд. Это утверждение, я предлагаю, может быть подтверждено пересмотром критики Марксом Гегеля и признанием того, что понятие общества, которое он мобилизует, не может обойтись без момента семьи. В этом смысле, объективный дух Гегеля — триадическое движение семьи, гражданского общества и государства — не должен отвергаться. Он раскрывает внутреннюю

О бытии и явлении: социальное воспроизводство и семейная форма
Татьяна Лягуно

архитектуру современного социального порядка. Как идеологический социополитический аппарат, он одновременно более истинен и более неистинен, чем мы могли бы ожидать.

Натурализация семьи эквивалентна натурализации капиталистических экономических отношений классическими политическими экономистами; обе являются формами мистификации, через которые скрывается их социально-историческая специфичность и генезис. Если, как напоминают нам Адорно и Хоркхаймер, всякое овещствление есть форма забвения, то специфическое забвение буржуазной семьи как исторического результата делает возможным её овещствление. Она участвует в обобщённой амнезии, которую современные капиталистические общества вызывают в нас — амнезии, для которой простого исправления нашего заблуждения никогда не будет достаточно. Хотя мы всегда должны разоблачать насильственные истоки капиталистических социальных форм, преодоление их мистифицированных явлений требует большего, чем теоретическая ясность — оно требует практического преобразования. Сегодня последнее кажется более насущным, чем когда-либо. Циклические кризисы социального воспроизводства — и их соответствующие реакционные ответы — будут сохраняться. Не случайно, что

гимны семье поются именно в то время, когда «отверженное» на подъёме — термин, который Гонсалес и Нетон используют для описания тех видов деятельности, которые, хотя когда-то были оплачиваемыми, были отброшены обратно в неоплачиваемую сферу из-за их дороговизны для государства или капитала, но которые, через само это смещение, больше не автоматически появляются как естественная задача женщин.

Наше — это политическое видение, которое противостоит поклонникам старых цепей; мы стремимся упразднить семью, чтобы актуализировать свободу. Чтобы любовь и забота были реализованы для всех, современная семья должна быть преодолена, трансцендирована, и её рациональное ядро перенесено в более свободный мир. Как утверждал Беккет, «Бытие постоянно подвергает форму опасности»; все формы, напоминает он нам, нарушают Бытие «самым невыносимым образом». Тем не менее, мы не можем обойтись без них. Наша задача — укоренённая как в практическом знании, так и в упрямой, добросовестной надежде — сплести новые социальные формы, формы, способные поддерживать подавляющую метанорму современности: нашу свободу, свободу всех.

* «Татьяна Лягуно» — доцент критической и политической теории в Университете Помпеу Фабра в Барселоне. Она получила докторскую степень с отличием в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Её области исследований включают посткантианскую философию (особенно Гегеля и Маркса), социальную и политическую философию, критическую теорию, феминистскую теорию и политическую экологию. Она является организационным членом Общества Маркса и Философии.

Впервые опубликовано онлайн 1 февраля 2026 года

Перевод статьи Татьяны Лягуно «On Being and Appearing: Social Reproduction and the Family Form».

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА

